

СЕРГЕЙ ШОКАРЕВ

КАТАСТРОФА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Сергей Юрьевич Шокарев
Катастрофа
Московского царства
Серия «Что такое Россия»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094194

Катастрофа Московского царства: Новое литературное обозрение;

М.; 2023

ISBN 9785444823477

Аннотация

Смутным временем, или Смутой называют события первой российской гражданской войны в начале XVII века, тяжесть которой усугублялась вмешательством во внутренний конфликт соседних государств Речи Посполитой и Швеции и захватом ими русских земель. Была ли Смута случайностью или стала закономерным этапом развития Московского царства? Какие факторы привели страну к критическому состоянию и что позволило преодолеть катастрофу? В чем состоят уроки Смуты и какие перспективы открывались в ходе этих событий? Историк Сергей Шокарев в своей книге ищет ответы на эти вопросы и стремится определить место и значение Смутного времени в общем ходе отечественной истории. Как показывает автор, кризис Смуты являлся следствием перенапряжения военно-

мобилизационной модели, созданной Иваном III, и вместе с тем – результатом перекосов автократической системы при Иване Грозном. В ходе событий Смуты сформировались несколько альтернатив самодержавной традиции, которые, однако, не были реализованы и развитие автократической модели продолжилось. Сергей Шокарев – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории Древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС, автор научных и научно-популярных работ, посвященных социально-политической и культурной истории Средневековой России.

Содержание

Введение	7
Анатомия Московского царства	12
Царь и великий князь, господарь всея Руси	12
Аристократия	19
Волки или овцы?	25
Дворяне и дети боярские	29
Земля и служба	34
«Сильные» и «бедные»	38
Страна рабов	42
«Черные» и «белые» посадские люди	48
Молчаливое большинство	52
Богомольцы	57
Чудеса, знамения, слухи	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Шокарев

Катастрофа Московского царства

*– Хум, хм, меня не заботят Большие Войны, –
сказал Фангорн. – Они касаются эльфов и людей.
Пусть этим занимаются мудрецы: они думают
о будущем. Чего мне лезть в это дело? Я не
придерживаюсь никакой стороны, потому что
никто не придерживается моей, если вы меня
понимаете...*

*Дж. Р. Р. Толкин. Две крепости (перевод Н.
Григорьевой, В. Грушецкого)*

© С. Шокарев, 2023

© Е. Тюльпин, иллюстрации, 2023

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

Партнер проекта

Введение

Смутным временем в исторической науке называют события, происходившие в России в начале XVII века.

Хронология этого периода является предметом научных дискуссий. Предлагаются разные варианты датировки его начала (1598 и 1604 год) и окончания (1612, 1613 и 1618 год). При этом сущность происшедшего не вызывает споров. Смуту определяют как гражданскую войну, тяжесть которой усугублялась вмешательством во внутренний конфликт соседних государств – Речи Посполитой и Швеции – и захватом ими русских территорий.

Термины «Смута», «Смутное время», подобно многим другим, употребляющимся по отношению к явлениям русского Средневековья, являются в определенной мере искусственными. Современники чаще называли эти события «разорением Московского государства». Однако слово «смута» как синоним мятежа впервые зафиксировано в документах уже в мае – июне 1605 года при описании вторжения Лжедмитрия I.

Как и другие междоусобицы, Смута – популярный период для художественного изображения: она изобилует драматическими событиями, резкими поворотами, авантюрными личностями. Это создает трудности при осмыслении и анализе, и потому популярное описание Смутного времени ча-

ще всего ограничивается сокращенным пересказом перипетий этой бурной эпохи. В результате нашим современникам события Смуты известны слабо. Она представляется упрощенно как некий хаос, итогом которого стали польская оккупация и освободительная война князя Пожарского и гражданина Минина. За последнее им спасибо и государственный праздник 4 ноября.

Как будто в противовес слабой образованности общества научное изучение Смуты развивается активным образом. Его основы были положены в XIX столетии Николаем Михайловичем Карамзиным, Дмитрием Петровичем Бутурлиным, Николаем Ивановичем Костомаровым и Иваном Егоровичем Забелиным, а главные свершения ожидаемо припались на XX – начало XXI века. Ожидаемо, потому что тематика Смутного времени оказалась крайне актуальна в это столетие, богатое на социальные потрясения (хотя свое эпохальное исследование главный корифей «смутоведения» С. Ф. Платонов начал еще в 1880-е годы). Трудami Сергея Федоровича Платонова, Павла Григорьевича Любомирова, Ивана Ивановича Смирнова, Ивана Степановича Шепелева, Александра Александровича Зимина, Вадима Ивановича Корецкого, Руслана Григорьевича Скрынникова, Владимира Борисовича Кобринa, Александра Лазаревича Станиславского, Светланы Петровны Мордовиной, Бориса Андреевича Успенского, Бориса Николаевича Флори, Владислава Дмитриевича Назарова, Андрея Павловича Павлова, Иеро-

нима Грали, Василия Иринарховича Ульяновского, Вячеслава Николаевича Козлякова, Юрия Моисеевича Эскина, Игоря Олеговича Тюменцева, Янкеля Гутмановича Солодкина, Антона Владиславовича Антонова, Адриана Александровича Селина, Ярослава Викторовича Леонтьева, Андрея Юрьевича Кабанова, Олега Александровича Курбатова, Дмитрия Владимировича Лисейцева и других ученых. Смутное время раскрылось в самых разнообразных гранях и подробностях. Концептуальные положения, дискуссии и споры специалистов представляют этот период ярко и отчетливо, хотя многие вопросы остаются еще не решенными.

Среди других исследовательских проблем важное место занимает оценка роли и места Смуты в отечественной истории, ее предопределенность или случайность. Это – один из ключевых вопросов изучения переходного периода от Средних веков к Новому времени. О его хронологии, как и о хронологии Смуты, также ведутся споры. Но как ни определять ее границы, Смута располагается на перекрестке путей, ведущих из Московской Руси в Российскую империю. Она пролегает между двумя столетиями истории Московского царства¹: XVI веком Ивана Грозного и Бориса Годунова и XVII веком первых Романовых.

Рубежное место Смуты в хронологии отечественной исто-

¹ Здесь и далее термины «Россия», «Российское государство», «Московское царство» и «Московское государство» будут употребляться как синонимы – в соответствии с историографической традицией.

рии столь твердо и уверенно, что возникает вопрос: насколько случайным был этот глубокий кризис российской государственности, едва не закончившийся крахом? Являлась ли Смута итогом развития Московского государства (его своеобразным внутренним пороком) либо к ней привели случайные факторы, опрокинувшие административную систему, расшатанную опричниной Ивана Грозного? В какой мере Смуту вызвали объективные факторы, унаследованные от предыдущего этапа развития страны, и субъективные, совпавшие во времени в данный период. От решения этих вопросов зависит не только осмысление Смутного времени, но и понимание других «смут»: революций 1917 года и последовавшей Гражданской войны, постсоветских конфликтов. Вариант ответа будет предложен на страницах книги.

Повествуя о Смутном времени, легко увлечься внешней канвой событий – настолько разнообразны и интересны повороты исторического процесса на этом коротком промежутке времени. Пестрота, свойственная эпохе конфликта, накладывается в Смутное время на средневековое разнообразие социальных типов и ситуаций, еще не причисненных регулярным государством. События разворачиваются по всей глубине социальной лестницы и по всей ширине пространства Московского царства – от степных шляхов до поморских погостов. Смешиваются народы и племена, вспыхивается войной крестьянство, а социально-географическая панорама событий завораживает. Однако за всем этим мощ-

но проступает человеческое измерение страшной войны, тем более ужасной, что столетием ранее прекратились внутренние усобицы, и русский человек ждал беды от врага-иноземца, но никак не ожидал лютой смерти от руки православного собрата. Вопрос о механизмах, запускающих гражданское кровопролитие, представляется отнюдь не утратившим значение, окончательно не исследованным и до некоторой степени открытым.

Анатомия Московского царства

Царь и великий князь, господарь всея Руси

Рассмотрение Смуты необходимо начинать с обзора внутренней структуры Московского царства, чтобы понимать, как выглядел государственный организм, пораженный кризисом. Так возникает возможность проследить болевые точки и линии разломов, скрытые конфликты, вырвавшиеся наружу в гражданской войне.

На первый взгляд, российское общество XVI – начала XVII века представляется иерархичным с четкими границами между социальными группами и почти без возможностей переходов между ними (социальных лифтов).

Наверху властной пирамиды находилась монументальная фигура самодержца – царя и великого князя всея Руси, – полный титул которого включал в эпоху Федора Ивановича 22 географических наименования. Священное происхождение, обоснование власти царя и ее неограниченный характер не были закреплены законодательно, но идеологически обоснованы книжностью той эпохи. Царский титул, принятый Иваном IV в 1547 году, поднимал русского государя над

соседними монархами и указывал на преемственность от императоров Рима и Византии. Эта преемственность являлась не только политической, но и мессианской («все христианские царства пришли к концу и сошлись в едином царстве нашего государя»). Царь земной уподоблялся Царю Небесному, чему способствовал обряд миропомазания во время коронации. Царь отождествлялся с самим православием. Радение за царя было защитой христианской веры, а измена государю воспринималась как измена православию и погибель души. (Последнее было сравнительным новшеством, так как в XV веке военные слуги обладали правом перехода от одного сюзерена к другому.) Верность монарху скреплялась крестным целованием, которое приносили в XVI веке служилые люди разных рангов. Этот обряд придавал конкретную значимость эфемерным рассуждениям о связи измены с погибелью души.

В XV веке термин «самодержавие» («самодержавство») понимался как политическая самостоятельность, независимость правителя. В эпоху Ивана Грозного он стал применяться в привычном значении – как обозначение неограниченной власти монарха.

Но на практике полноценным самодержавием власть московских государей на протяжении большей части XVI столетия не являлась. Царь считался и был источником законодательной, главой исполнительной и судебной властей, верховным вождем армии. Его легитимность покоилась на при-

надлежности к правящему роду и была закреплена обрядом коронации («венчания на царство»), подчеркивающим священную природу царского сана. Но при этом власть монарха (за исключением периода с 1565 по 1584 год) традиционно ограничивалась различными политическими силами, занимавшими определенные позиции в управлении и приобретавшими от этого привилегии и материальные блага. Помимо этого, существовали административные структуры (бюрократический аппарат), без которых не может обойтись ни один правитель.

В законодательной и судебной сферах, текущем управлении гражданскими и военными делами государь делил власть с Боярской думой и верхушкой служилого сословия – Государевым двором. Совещательная роль принадлежала высшим иерархам Русской церкви. Механизм управления осуществлялся силами приказной бюрократии. В отличие от бояр и церковных владык она не претендовала на самостоятельную роль, однако нельзя было не считаться с ее выдающимися представителями (И. М. Висковатовым, братьями Щелкаловыми) и с ролью дьяков и подьячих как корпорации исполнителей.

С середины XVI века встречаются упоминания о соборах, которые в литературе принято именовать земскими соборами. Некогда этим временным органам власти в историографии придавалось большое значение. В них стремились видеть институты общественного представительства, характе-

ризующие политический строй России XVI–XVII веков как сословно-представительную монархию. В действительности вплоть до собора 1598 года, вынужденного решать коренной для российской государственности вопрос о престолонаследии, все предшествовавшие ему соборы политической роли не играли. Это были совещания монарха с представителями разных социальных групп («чинов»), служившие в основном для одобрения принятых верховной властью решений.

Помимо того что царская власть встречала ограничения «наверху», в элите, в силу слабости административного аппарата она не могла контролировать и основную массу населения, располагавшуюся «внизу». Поэтому многие функции управления были переданы самому населению. Следствие, суд (частично), сбор налогов и пошлин, организация несения повинностей находились со второй половины XVI века в ведении губных, земских и слободских старост и целовальников, избираемых местным населением. Земское самоуправление представляло одно из латентных ограничений самодержавной власти. Оно не претендовало на самостоятельность, действуя в соответствии с монаршей волей. «Государево» и «земское» дело существовали нераздельно и параллельно, подчиняя интересы «мира» задачам государственной политики. При этом жалобы земских старост на обнищание являлись средством коммуникации в отношениях между монархом и основной массой населения и приводили к принятию решений. Иной формой взаимодействия можно

считать саботаж, вызывавший угрозу наказаний и их применение по отношению к лицам, отвечавшим за сбор налогов и пошлин.

Таким образом, самодержавие ограничивалось традицией соправительства с монархом разных политических сил, наличием административного аппарата и механизмов самоуправления, являвшихся следствием неразвитости этого аппарата. Исключением является период опричнины и послеопричные годы правления Ивана Грозного, совершившего политическую реформу, направленную на укрепление личной власти. Эта реформа, опиравшаяся на массовые расправы, оказалась успешной, однако ее результаты не были закреплены, и при преемниках Грозного к единодержавию уже не возвращались.

Аристократия

Как и многие другие исторические термины, обозначающие русские средневековые реалии, понятие «Боярская дума» представляет собой искусственную конструкцию, образованную от слов «бояре», «з бояре», «приговорил с бояры» и «дума», «в думе», «царская дума». Однако сама Дума – явление вполне реальное, составлявшее важнейшую часть государственного механизма.

Боярские советы существовали на Руси еще при первых князьях. При Иване III Дума пополнилась удельными князьями-Рюриковичами, перешедшими на службу великому князю, и их собратьями из Великого княжества Литовского. Численный состав Думы возрос, а ее генеалогический характер усложнился. Одним из средств установления порядка в аристократической среде стало местничество. Этот обычай принято было считать едва ли не привилегией русской знати, однако выдающийся историк Сигурд Оттович Шмидт установил, что верховная власть получала от местничества значительные выгоды, ведь на первое место ставилась не знатность, а заслуженность рода и его представителей. Вместе с тем контролировать местничество было трудно, оно играло роль дестабилизирующего фактора, и потому в критические моменты издавался указ «быть без мест» или считать конкретное назначение «не в образец». Это, впрочем, не всегда

помогало, и бывали случаи, когда из-за местнических споров проигрывались сражения и гибли воеводы, увлеченные защитой родовой чести.

Дума состояла в конце XVI века из четырех «чинов»: бояр, окольничих, думных дворян и думных дьяков. В правление Ивана IV максимальное число бояр составляло 44 человека, а окольничих – 19 (подсчеты А. А. Зимина). Наибольших размеров Дума достигала в середине XVI века, а опричные репрессии сильно уменьшили ее состав.

Категории думных дворян и думных дьяков по численности уступали первым двум чинам Думы. В царствование Ивана Грозного известны 24 человека из числа «дворян, которые в Думе живут». Думных дьяков, руководителей центральных учреждений – приказов, было меньше. В 1584 году Боярская дума состояла из 11 бояр, 7 окольничих, 10 думных дворян и 4 думных дьяков. При этом Дума была примерно пополам поделена между земской и дворовой частями, что являлось наследием опричных времен.

Родовитая Дума, таким образом, была немногочисленной. Должности занимали в ней около 70 фамилий, связанных между собой общим происхождением или родством.

Первые места в Думе принадлежали Гедиминовичам, потомкам литовских удельных князей, перешедшим на московскую службу при Иване III и Василии III. Они несколько раз породнились с великокняжеским родом. Это – князья Мстиславские, Бельские, Голицыны, Куракины, Трубецкие.

Соседние места занимали потомки удельных Рюриковичей, стремившиеся «пересидеть» (занять более высокое место согласно местническому обычаю) Гедиминовичей, что им иногда удавалось, – Горбатые-Суздальские, Шуйские, Скопины-Шуйские, Ногтевы, Воротынские, Одоевские, Оболенские, Кашины, Репнины, Долгоруковы, Пронские, Телятевские, Катыревы-Ростовские, Лобановы-Ростовские, Темкины, Сицкие, Троекуровы, Шестуновы, Хворостинины, Ромодановские, Татевы, Хилковы, Звенигородские и другие.

Наконец, третью крупную группу составляли роды бояр, служивших еще первым московским князьям. Когда-то Гедиминовичи и Рюриковичи оттеснили этих старомосковских вельмож с высоких постов, однако некоторые фамилии сохранили лидерские позиции. Таков, например, был род Федора Кошки – Кошкины, Захарьины, Юрьевы, Романовы, Яковлевы. Они состояли в родстве с великими князьями и удельными князьями, а в 1546 году Анастасия Романовна Захарьина стала женой великого князя Ивана IV, что еще более укрепило позиции этого могущественного рода. Другой крупный клан – Годуновы и Сабуровы. Им удалось трижды породниться с семьей монархов: Василий III женился первым браком на Соломонии Сабуровой, царевич Иван Иванович – на Евдокии Сабуровой, а царевич Федор Иванович – на Ирине Годуновой. К старомосковскому боярству принадлежали Шереметевы, Колычевы, Беззубцевы (все три рода –

родня Кошкиных), Плещеевы, Басмановы, Морозовы, Салтыковы, Бутурлины, Головины и другие.

Входили в Думу князя Глинские и князя Черкасские – знатные выходцы из-за рубежа, родня государей. Князя Глинские вели свой род от знаменитого ордынского правителя Мамай. В начале XVI века они перебежали в Московское государство, где Василий III с радостью принял знатных выходцев. В 1526 году он женился на княжне Елене Глинской, которая стала матерью Ивана Грозного. По родству с царем эта фамилия занимала одно из первых мест. Князя Черкасские, выходцы из Кабарды, вошли в Думу и также заняли первые места по родству с другой государыней – второй супругой Ивана Грозного, княжной Марией Темрюковной.

Третим чином Думы являлись думные дворяне. Во второй половине XVI века это были, в основном, малознатные любимцы Ивана Грозного. Таковы опричный палач Малюта Скуратов (прозвище Григория Лукьяновича Бельского) и его племянник Богдан Яковлевич Бельский, фаворит последних лет царствования Ивана, впоследствии окольный и боярин. Известны и другие птенцы этого гнезда: печатник Роман Алферьев, казначей Игнатий Татищев, Василий Зюзин, Михаил Безнин, Деменша Черемисинов и другие. Они не могли тягаться по родовитости ни со старомосковскими боярами, ни с князьями, однако принадлежали к служилым родам, а некоторые из них – к весьма древним (так, Татищев был потомком смоленских Рюриковичей, утративших свой

титул).

Боярская дума являлась одновременно главным распорядительным органом и законосовещательным учреждением. Часто встречающаяся формула «царь указал, а бояре приговорили» обозначает совместное государственное творчество государя и членов Думы. Однако роль бояр и окольничих не ограничивалась заседаниями. Для решения конкретных вопросов создавались особые боярские комиссии (такова, например, комиссия боярина князя В. И. Шуйского, расследовавшая обстоятельства смерти царевича Дмитрия и восстания горожан в Угличе в 1591 году). Бояре вели дипломатические переговоры, участвовали в приемах послов, ездили с посольскими миссиями. Из членов Боярской думы назначались командующие полками в походах. Думцев посылали наместниками и воеводами в крупнейшие города или на окраины (Великий Новгород, Смоленск, Казань, Астрахань, Тобольск и др.).

При этом участие в управлении Думы и ее членов было текущим, оно определялось необходимостью и решениями царя и бояр, находившихся у руля управления страной. Регламента работы Боярской думы, графика и протоколов ее заседаний не существовало.

Итак, бояре являлись крупнейшими администраторами, трудившимися во всех сферах государственной жизни. Энергичные не только в исполнении государевой воли, но и в достижениях собственных целей, готовые локтями толкать-

ся у царского стола и трона, были ли московские аристократы способны на что-то большее, нежели драка за чины, награды и вотчины?

Волки или овцы?

Вопрос о политических амбициях боярства имеет долгую историю и большое значение.

По мнению корифеев российской исторической науки Василия Осиповича Ключевского и Сергея Федоровича Платонова, княжеско-боярская аристократия такие амбиции имела. Их основанием были старинные владельческие права потомков Гедимины и Рюрика.

Объединение Великороссии, сообщив великому князю московскому значение всеземского национального государя, и собранным под его рукой местным правителям внушило идею всеземского правительственного класса, —

писал Ключевский. По мысли С. Ф. Платонова, на борьбу с политическими притязаниями бояр на власть была направлена опричнина, результатом которой стал «полный разгром удельной аристократии».

Советские ученые, работавшие во времена Сталина, логично вывели из этих размышлений положение о боярах-изменниках, сопротивлявшихся прогрессивной централизации и стремившихся вернуть страну к временам феодальной раздробленности.

Против такого взгляда на боярство резко выступил выдающийся специалист по истории средневековой России ака-

демик Степан Борисович Веселовский. Его точку зрения поддержали А. А. Зимин и В. Б. Кобрин. Было установлено, что бояре не могли быть заинтересованы в раздроблении страны, так как их земельные владения находились в разных уездах, далеко за пределами бывших родовых княжеств. Более того, в границах этих княжеств многие сильно разросшиеся семьи уже не могли уместиться. Владели бояре не только вотчинами (наследственными владениями), но и крупными поместьями (землями, полученными от государя за службу и при условии службы). Активное участие бояр в деятельности, направленной на централизацию, заставляет подозревать в них коллектив самоубийц – иначе зачем боярам действовать против своих интересов? Следовательно, бояре не стремились вернуться к временам удельной Руси и отменить объединительные процессы.

Но вопрос о политической роли боярства этим не ограничивается. Было ли участие бояр и других приближенных Ивана IV в правительственной деятельности 1540–1550-х годов («реформы Избранной рады») узурпацией власти либо все оставалось в рамках традиций? Какова роль царского окружения в правительственной политике тех лет? Насколько достоверны сообщения о заговорах против Ивана Грозного? К сожалению, на эти вопросы нет ответа из-за специфики исторических источников. Они все в той или иной степени ангажированы. О конфликтах, мятежах и крамоле бояр, властных притязаниях элиты сообщают летописи, опи-

си царского архива, сочинения Ивана Грозного. Они передают взгляд царя. Сведения о заговорах сообщают иностранцы, однако их свидетельствам полностью доверять нельзя. Резко отрицал вину боярства князь Андрей Курбский. Представитель и идеолог правящей верхушки, он изобразил бояр невинными жертвами тирана. Даже если Курбский и знал о заговорах (или сам в чем-то подобном участвовал), вряд ли он написал бы о них, противореча собственной концепции.

Таким образом, вопрос о политической активности боярства, ее направленности и пределах не решен. Придется прибегнуть к общим рассуждениям. Известно о столкновениях внутри правящей элиты и конфликтах ее представителей с монархом, результатом чего были случаи бегства за границу (успешного и не очень) или опалы. Такие прецеденты не раз случались до Ивана Грозного, при его деде, отце и в эпоху боярского правления. Представляется, что эти случаи являются частью борьбы придворных кланов (партий), связанных общими интересами и родством, а не противостоянием боярства монарху. Эта борьба не носила идеологический характер, а являлась столкновением за власть и проистекавшие от нее блага. Объектом притязаний был не трон, а место у трона; не прерогативы монарха, а властные привилегии. На этом пути пострадавшие лишались глаз, голов и свободы, а в лучшем случае – мирского имени и интересов.

Московские бояре – это не волки и не овцы, а, по определению А. А. Зимина, «свора голодных псов с крепкими зу-

бами». Царь Иван топором и кнутом сумел привести «свору» к покорности. В иные времена «голодных псов» удавалось накормить досыта. Однако, как мы увидим в дальнейшем, без крепкой руки и в беспокойную пору они оживились и полезли в драку.

Дворяне и дети боярские

Боярство составляло верхушку служилого сословия, сформировавшегося в XV веке из «дворов» великого князя московского и удельных правителей. При Иване III самые знатные, богатые и влиятельные семейства военных слуг из разных территорий были объединены в Государев двор. Верхний слой Двора составляли думные чины; средний – московское дворянство, однородцы боярских фамилий; нижний – выборные дворяне, лучшие представители уездных (городовых) корпораций.

В боярских списках конца XVI века Двор перечисляется в следующем порядке: думные чины (бояре и окольные), придворные чины (постельничий, стряпчий с ключом, ловчий, ясельничий), дьяки, стольники, стряпчие, жильцы, дворяне московские и дворяне выборные. Стольники и стряпчие относились к дворцовым чинам. Это были чаще всего молодые представители знатных фамилий, но некоторые задерживались в этом чине на всю жизнь. Они участвовали в придворных церемониях, но также могли исполнять военные и административные должности.

Категория дворян московских, происходивших в основном из младших ветвей княжеско-боярских фамилий, была образована правительством. В 1550 году Иван IV распорядился выделить под Москвой поместья для тысячи лучших

представителей служилого сословия, чтобы те могли «быть готовыми в посылки». В науке ведется дискуссия о том, в какой мере этот указ был реализован, но очевидно, что лица, записанные в Тысячную книгу 1550 года, составили основной кадровый резерв правительства (в 1586–1587 годах был издан аналогичный указ о раздаче подмосковных поместий членам Государева двора). Иногда московские дворяне поднимались до думных чинов. Некоторые из них несли придворную службу (стольники, стряпчие, жильцы, ясельничие, сокольничие, ловчие). Они возглавляли войсковые соединения в чинах воевод и голов (младших офицеров), исполняли различные поручения, несли службу приставов при иностранных посланниках или опальных, направлялись за границу с поручениями. Московские чины представляли служилое сословие на земских соборах.

Общая численность московских дворян была невелика: согласно боярскому списку 1588–1589 годов – 174 человека. В правление Бориса Годунова их число увеличилось до 200.

Следующей ступенью после московских дворян были выборные дворяне. Как правило, это было определенное число фамилий уездных служилых людей. Их положение было промежуточным. С одной стороны, выборные являлись нижним чином привилегированного Государева двора, а с другой – высшим чином городских служилых дворянских корпораций.

Городовые (вернее было бы их называть уездными или

провинциальными) дворяне составили вторую по значимости категорию военно-служилого сословия. Она формируется в последней трети XVI века. Провинциальное дворянство образовалось из княжеских дворов удельной эпохи. В документах XVI столетия городские дворяне чаще всего именуется детьми боярскими, что подчеркивает их младшее положение по отношению к боярству. Земли детей боярских находились в уездах, городские «осадные» дворы – в уездных центрах.

Судьбы и происхождение отдельных городских корпораций были различны. Например, новгородское дворянство на рубеже XVI–XVII веков в основном представляло потомков землевладельцев, переведенных сюда из центральных уездов Иваном III после конфискации обширных вотчин новгородского боярства. Рязанские роды, напротив, восходили к местному боярству XIII–XV веков; эта корпорация была замкнутой, весьма уважаемой и сильной. Провинциальных дворян чаще всего именовали по тому уезду, где находились их вотчины: костромичи Писемские, галичане Котенины, рязанцы Вердеревские и т. д.

Особое положение занимали дворяне, служившие в пограничных городах-крепостях, активно отстраивавшихся в 1570–1590-е годы на южном пограничье, между реками Десной и Цной. «Украинные» города², противостоявшие Дико-

² «Украинные» – от слова «украйна»; их также именовали «городами от польской украины» или «польскими» (от слова «поле»).

му полю, являлись крепостями, выдвинутыми в плодородную, но опасную из-за татарских и ногайских набегов степную полосу. Обеспечение служилых людей в южных уездах было делом трудным, как и само несение службы на рубежах. Поэтому правительство понижало планку требований к местным помещикам, «верстая» поместьями (наделяя землями) казаков, бывших холопов, посадских людей и даже крестьян.

Каждая из дворянских корпораций – чины Государева двора и городовые дети боярские – была связана внутри себя общим происхождением и родством, соседством земельных владений и городских дворов. Тесные связи между родовыми кланами приводили к тому, что возвышение одного служилого человека или семейства влекло за собой подъем по служебной лестнице его родичей. Но преодолеть границы между категориями внутри служилого сословия (Государев двор и городское дворянство) было трудно. Едва ли не единственный шанс для возвышения давало родство с царской семьей. При Иване Грозном, однако, это было чревато. Когда распался его кратковременный брак с Анной Колтовской, ее родственники были репрессированы. Гораздо лучше устроились родичи цариц при первых Романовых – Стрешневы, Милославские, Нарышкины, Апраксины, Лопухины, шагнувшие из городского дворянства сразу в боярство, а оттуда – в знать XVIII столетия. Определенные перемены принесла с собой и Смута, за которой последовала демократи-

зация высших слоев Государева двора (Думы и московского дворянства).

По сведениям военных документов 1631–1632 годов, в русском войске насчитывалось около 25 тысяч городских дворян. Вероятно, в начале Смутного времени провинциальных служилых людей было меньше, но несущественно. Городовое дворянство являлось главным участником событий Смутного времени. Именно между представителями разных уездных корпораций и велись кровопролитные сражения гражданской войны начала XVII века, а претенденты на престол стремились перетянуть на свою сторону те или иные кланы. Впрочем, гражданская война потому и именуется братоубийственной, что по разные стороны баррикад в ней сражаются близкие родичи и даже родные братья. Известны такие случаи и в Смутное время.

Земля и служба

Военная служба и само существование потомственного служилого сословия всех категорий обеспечивались землевладением. Уложение о службе 1555–1556 годов уравнило в правах по отношению к службе наследственные владения (вотчины) и государевы пожалования (поместья).

По первому же требованию служилый человек был обязан явиться в поход «конно, людно и оружно». Уложение определяло, что с каждых 100 четвертей (четверть составляет немногим более 0,5 гектара) «доброй земли» (в одном поле) землевладелец был обязан выставить на смотр одного конного воина в полном вооружении, а в дальний поход – «о дву конь». За исполнение норм Уложения выдавалось жалованье, за их перевыполнение – премия, за неисполнение полагался штраф и даже конфискация поместья.

Средний дворянский поместный «оклад» составлял от 100 до 500 четвертей. Поместные оклады «московских чинов» и боярства были существенно больше. Московских и выборных дворян – от 500 до 1000 четвертей, бояр – от 1000 до 1500, хотя многие из них обладали вотчинами, сравнимыми с поместьями или превышавшими их по площади. Так, в 1613 году во владении московских бояр находились десятки тысяч четвертей вотчин и поместья: от 32 606 четвертей вотчинной земли главы Боярской думы князя Ф. И. Мсти-

славского до 1489 четвертей князя В. Т. Долгорукова, из которых 1300 – поместье.

Назначенный дьяками поместный оклад еще не означал автоматической выдачи земель из казны. Поиски поместий или свободных земель для «придачи» составляли большую головную боль служилых людей. Другой проблемой являлось поддержание поместья в таком состоянии, чтобы с него можно было прокормиться и собраться на службу. Известны многочисленные случаи, когда дворяне «пустошили» поместья непомерными требованиями. Но бывали и другие землевладельцы, как, например, Федор Григорьевич Аминев, помещик Ореховского уезда. В челобитной, обращенной к главе шведской администрации Новгородской земли Я. Деллагарди, он умолял вернуть ему поместье, отписанное на самого графа:

...Тебе, государю, дано от Бога разумети свыша, какова человеку земля помесная; больно, не вели отнят, четвертой, государь, год с тово Дудоровсково поместья не имывал плами ни з одное дани, хлеба ни одново зерна: все то давал тем же бобылем в подмогу, да скоплял на бедных, да денег дал рублев з двадцат им же на лошади, да ужо, государь, и к нынешнему лету хлеба им дано на емена и на семена, а иные прошают милости, государь, у тебя.

Поместная система была выгодна для казны, но не всегда эффективна. Бывало, что дворяне пытались уклонить-

ся от службы, отсиживаясь в поместьях, либо не ехали на сбор, отговариваясь разорением (что могло и соответствовать действительности). Почти каждому походу предшествовали долгие сборы воеводами служилых людей, опоздание из-за того, что «дети боярские к сроку не собрались», недокомплект в полках. «Нетчиков» сыскивали и, бив кнутом, отправляли на службу. Для определения боеспособности русской армии ежегодно проводились войсковые смотры.

Дворянская поместная конница составляла ядро вооруженных сил России начиная с конца XV века до второй половины XVII века. Для России того времени это был единственно возможный способ содержать армию, поскольку цари не могли выплачивать воинам денежное жалованье из-за недостатка драгоценных металлов. Армия, таким образом, была переведена на содержание за счет населения. Этот принцип в целом был справедлив. Ведь именно крестьянина защищал от «злых татар» его помещик. Однако чаще всего татарин был далеко, а свой барин рядом и требовал зерна или денег, а если по тем или иным причинам не получал, то избивал, сажал в домашнюю тюрьму и т. д. Так возникали серьезные конфликтные ситуации, решением которых до определенного времени был «крестьянский выход» на Юрьев день (то есть за неделю до и неделю спустя 26 ноября). Обратной стороной вопроса было обнищание дворян и невозможность несения ими службы из-за того, что поместья запустили от крестьянского «выхода», бегства, гибели или разорения.

Таким образом, система, лежавшая в основе обеспечения военной организации Московского государства, была построена на насилии и не обладала устойчивостью. Это влияло не только на боеспособность русской армии, но и на социальный климат, создавая скрытую напряженность внутри довольно простой и логичной конструкции. Более того, противоречия крылись не только между требованиями помещиков и крестьян, но также между интересами землевладельцев разных категорий. В частности, между крупными феодалами (бояре и «московские чины») и городским дворянством.

«Сильные» и «бедные»

Крупные и мелкие землевладельцы – бояре и городовые дворяне – конкурировали за землю и крестьян. Шансы городского дворянства в этом противостоянии были невелики. При первых Романовых уездные дворяне заваливали правительство жалобами на «сильных людей» от лица «бедных холопей». Дворяне жаловались в основном на то, что боярские приказчики переманивают крестьян и укрывают у себя беглых, в результате чего служилые люди остаются «голы и босы». Эти же претензии дворяне адресовали и церковным землевладельцам (архиереям и монастырям). По словам провинциальных дворян, управы на «сильных людей» добиться было невозможно: они не подчинялись судам и контролировали принятие ими решений.

О противоречиях между «вельможами» и «воинниками» известно еще с середины XVI века. Публицист Иван Пересветов, обращавшийся к молодому Ивану IV с несколькими посланиями в форме челобитных, резко осуждает ленивых вельмож, противопоставляя им воинов, о которых должен заботиться мудрый государь. Не вдаваясь в крайности советской историографии, создавшей концепцию реакционного боярства и прогрессивного дворянства, отметим, что это противоречие в московской государственной жизни существовало. Дворянские челобитные с жалобами на бояр из-

вестны только со времен Михаила Федоровича. В досмутное время такие конфликты, несомненно, были, однако о них сохранились лишь единичные упоминания. Таково, например, дело дьяка А. В. Шерefeldинова (1584), который в документах называется «сильным». Приближенный Ивана Грозного и тесть еще одного царского любимца Р. П. Биркина, он мошенничеством и «насильством» захватил 400 четвертей родовых земель дворян Шиловских в Рязанском уезде. После смерти Ивана Грозного влияние опричного выходца Шерefeldинова упало, и боярский суд постановил вернуть земли законным владельцам и выплатить им компенсацию. Шерefeldинов и Биркин попали в опалу. Понятно, что, не упавши они с правящего олимпа, высокопоставленным мошенникам все сошло бы с рук.

Свидетельством в пользу того, что бояре переманивали крестьян, является указ о временном и частичном возвращении крестьянского «выхода» (принят во время «великого голода» в 1601 году). В числе прочего не разрешалось «возить» крестьян «за» церковных иерархов, бояр, окольничих, «больших дворян», дьяков, стрелецких голов, – целый список «сильных людей», которые могли воспользоваться указом в ущерб интересам провинциального дворянства.

Напряженные отношения между «сильными» и «бедными» были вызваны не только соперничеством за землю и крестьян, но и перераспределением других благ. Изучение кадровой политики Московского царства показывает, что во

второй половине XVI века у рядового сына боярского не было возможности выслужиться и достигнуть воеводского назначения. Исключением являются военные конфликты, походы и административные назначения в Сибири, на Нижней Волге или Кавказе, где можно было выдвинуться за счет выдающихся личных качеств. Знать перекрывала своей «молодшей братии» пути наверх.

Вместе с тем при отсутствии регулярно и быстро действовавших социальных лифтов в Московском государстве не существовало и жестких границ между тремя вышеуказанными категориями военно-служилого сословия: аристократией, выборным и городовым дворянством. Общее происхождение и родственные связи по женским линиям связывали эти группы не только внутри, но и между собой. Благодаря этому осуществлялось в том числе и перераспределение земельной собственности.

Генеалогические документы редко отмечают родство дворянских (в том числе княжеско-боярских) родов с дьяческими. Однако такие связи были и оказывали влияние на распределение должностей и расстановку сил при дворе. Так, вполне вероятно, что знаменитый князь Дмитрий Пожарский в начале своей карьеры пользовался покровительством своей влиятельной родни – думных дьяков Андрея и Василия Яковлевичей Щелкаловых.

Родственные, клиентские и соседские связи, взаимные услуги (в том числе кредитные), совместное несение служ-

бы и приятельство, с одной стороны, формировали внутри служилого сословия кланы и «партии», а с другой – размывали границы между ними, создавая иной уровень и иную иерархию взаимодействия. При наличии тлеющего конфликта между «сильными» и «бедными» было немало факторов, объединяющих аристократию и дворянство, включая его служилую идеологию.

Страна рабов

«Все они называют себя холопами, то есть рабами государя», – сообщает о русских Сигизмунд Герберштейн, посол императора Священной Римской империи при Василии III. Считать это проявлением недоброжелательства или невежества автора не приходится. С конца XV века представители служилого сословия, включая бояр, в переписке с государем именуют себя не иначе, как «холоп твой», с прибавлением уменьшительно-уничижительной формы имени: Васюк, Ивашка, Федец.

Большинство историков видят в этом яркое свидетельство деспотического характера власти московского государя. В отличие от вассальных отношений и даже подданства, холопство не подразумевало наличия у холопа каких-либо прав. Словом «холоп» в Древней Руси и Московском царстве называли зависимых людей. Пути попадания в холопы, юридические формы зависимости и специализация холопов были различны, однако бесправное и зависимое положение – общим.

Холопство в разных видах известно на Руси издревле, отмечено в «Русской правде» и других источниках. В XIV–XVII веках это широко распространенное явление, заключавшееся в том, что каждый более-менее социально значимый тип мог обладать зависимыми от него людьми – холопа-

ми. Это были не только бояре с десятками и даже сотнями слуг и представители служилого сословия и бюрократии, но также дьяки и подьячие, посадские люди, торговцы и ремесленники, духовные лица, нищие и даже сами холопы знатных лиц. В XVI–XVII веках термин «холоп» часто заменялся словом «человек» – «человек» такого-то.

Холопы пахали пашню, были в услужении, занимались ремеслом для своего господина или с выгодой для него, осуществляли торговые операции, управляли земельной собственностью (тиуны и посельские), несли военную службу. Последняя категория – боевые холопы, или послужильцы, – представляет для нас главный интерес.

Как уже говорилось выше, каждый землевладелец, выезжая на службу, был обязан выставить одного холопа («человека») с каждых 100 четвертей земли (не считая первой сотни, с которой выезжал сам). Средний дворянский поместный «оклад» составлял от 100 до 500 четвертей, и, следовательно, за каждым дворянином должны были выходить на службу до четырех боевых холопов (послужильцев). Однако жизнь вносила свои коррективы в определенные законом правила.

Боярский список 1556 года указывает, что 163 служилых человека вывели в поход 687 холопов (и еще 150 в обозе, однако это число, вероятно, было еще бóльшим). Норма при этом составляла 593 человека. Таким образом, по Уложению норматив должен был составить 1:3,64, в реальности он был выше – 1:4,2. Такая армия по своему составу получается не

дворянской, а холопской. Но один документ не дает полноценной картины. Например, в 1577 году 283 коломенских дворянина привели на смотр всего 127 послужильцев. Разница более чем существенная. Этому, однако, есть объяснение. Помимо того, что 1570-е годы – время упадка и кризиса, следует иметь в виду, что список 1556 года зафиксировал служилых людей из московского списка, а коломенская десятня³ 1577 года – городских дворян. Соответственно, при одинаковых требованиях первая категория служилых людей имела больше возможностей их выполнить и перевыполнить (за что полагалась награда), а вторая не всегда могла им соответствовать. Большие отряды боевых холопов выводили за собой бояре и придворные. Так, в 1604 году в поход против Лжедмитрия I Ф. И. Шереметев выставил 60 человек, князь И. С. Куракин – 32 человека, князь Д. Т. Трубецкой – 25 человек и т. д. Таким образом, адекватно оценить, сколько в русской армии XVI–XVII веков было боевых холопов, а сколько – дворян-господ, очень трудно. Очевидно, что удельный вес послужильцев был весьма высок.

Еще один вопрос – боевые качества. Источники свидетельствуют, что потери среди холопов во время боевых действий были существенно больше, чем среди господ. Согласно летописи, в 1555 году в Судьбищенском бою убито 2 тысячи «детей боярских» и 5 тысяч «боярских людей». В 1559 году ливонские немцы, застав врасплох («на станах») отряд

³ Десятнями называли списки служилых людей, составлявшиеся для учета.

3. И. Плещеева, убили 70 дворян, «да с тысячу боярских людей». Можно предположить, что воинские навыки и моральный дух послужильцев в среднем были ниже, чем у дворян. Холопы к тому же, как правило, были хуже вооружены.

Однако дело запутывается вновь, если принять во внимание, что холопская среда активно пополнялась самими дворянами. Помета «умре в холопех» стоит в Дворовой тетради 1550-х годов напротив имени князя (!) Шелешпанского. Правительство эту практику не одобряло: она разрушала сложившуюся систему, позволяла уходить от службы, исполняя нехлопотную должность у влиятельного человека. Запрет детям боярским уходить в холопы был включен в Судебник 1550 года, затем подтвержден указами. Но этот запрет не соблюдался. Два знаменитых деятеля Смутного времени – Лжедмитрий I и Иван Болотников (предположительно, но с большой долей вероятности) – были дворянами, поступившими на службу к боярам.

Судебные документы XVII века пестрят сообщениями о насилиях господ над холопами – избиваниях, истязаниях, насильственной женитьбе, выдаче замуж и так далее. Надо полагать, что боевые холопы, послужильцы, приказчики и администраторы бояр и видных дворян – «элита» холопства – в меньшей мере подвергались крайним проявлениям холопского права. Здесь, однако, как и в других случаях, все нелинейно. Согласно наблюдениям автора монографии о холопстве А. И. Яковлева,

миросозерцание того времени предполагало в отношениях между господами и холопами наличие глубокой, органической, даже нравственной связи, весьма похожей на связь между единокровными родственниками, детьми и родителями, братьями и сестрами и т. д. В основе понимания холопских отношений лежала идея внутренней солидарности между обоими участниками этой дуалистической системы.

Этот вывод подтверждается неожиданным материалом – поминальной документацией XVI–XVII веков. Известно немало случаев, когда бояре давали деньги на поминование душ своих холопов, а те, в свою очередь, записывали господ в свои помянники (списки лиц для церковного поминовения). В XVII веке в дворянских помянниках появляются особые разделы «рабов наших» и «рабынь наших». Таким образом, близкие, почти семейные отношения между господами и холопами были реальностью.

Патримониальный характер отношений в Московском государстве давно отмечен в исторической литературе. Царь не только рассматривался как безграничный в своей власти господин и сравнивался с Богом, но также воспринимался как милостивый и справедливый отец. Эти отношения транслировались ниже по социальной лестнице: от вельможных холопов – к холопам, за которыми этот статус был закреплен юридически, а от них – к их собственным холопам. Вы-

страивалась, таким образом, лестница холопства, на которой каждую ступень занимал очередной холоп, в целом довольный своим положением и отношениями, базировавшимся на принципе честной службы, с обязательствами лишь с одной стороны – со стороны служащего.

«Черные» и «белые» посадские люди

Еще один узел противоречий образовался на городском посаде. Как и рассмотренные выше, эти противоречия были не фатальными, но чувствительными. Жители средневекового города по обязанностям к государственной власти делились на две категории – плательщики основного налога («тягла») и неплательщики. От «тягла» были освобождены служилые люди и духовенство. Первые несли службу государю, вторые – Господу. В число служилых входили не только дворяне (служилые «по отечеству»), но также стрельцы, воротники, пушкарки и казаки (служилые «по прибору»). Служба торговых и посадских людей заключалась в уплате обычных и сверхурочных налогов. Таким образом, складывалось *res publica* (общее дело) всех жителей Московского царства.

Однако из этого правила, как это часто происходило в Средние века, было свое исключение – городские белые слободы, жители которых не платили «тягла». Их исключительное положение основывалось на том, что белые слободы являлись собственностью царя или крупных феодалов: патриарха, иерархов, монастырей и бояр. Белослободцы несли обязанности по отношению к государю или «сильным людям».

Отношения между жителями черных и белых слобод были напряженными. Тяглые («черные») люди завидовали бе-

дослободцам и стремились всеми силами избыть «тягла», перебравшись в белые слободы либо сменив статус. В советской историографии этот антагонизм представлялся крайним и иногда даже подавался как «классовая борьба». Классовой борьбой социальную обостренность, царившую на посаде, назвать нельзя, однако именно «черные» люди упоминаются в летописях как активные участники московского и других городских восстаний. В 1547 году в Москве горожане забили камнями царского дядю, боярина и князя Ю. В. Глинского. «Чернь» и «ратные люди» подняли мятеж после смерти царя Ивана Грозного, требуя выдачи думного дворянина Б. Я. Бельского, который якобы намеревался «известить» царский корень и бояр. В московском восстании 1606 года горожане сыграли значительную роль, равно как и во многих других столкновениях Смутного времени.

Таким образом, посадские люди, особенно действуя «скопом», могли представлять собой грозную силу. Вряд ли в волнениях Смуты «черные» действовали отдельно от белослободцев, но зачинщиками волнений, стороной, недовольной и требующей перемен, были, скорее всего, именно «черные» как наиболее ущемленная часть посада.

Борис Годунов, будучи правителем при Федоре Ивановиче и став затем царем, уделял большое внимание «посадскому строению», то есть восстановлению платежеспособности городского населения. Это было необходимой мерой для возрождения экономики после глубокого кризиса в цар-

ствование Ивана Грозного. В 1585 году издано распоряжение возвращать на посад беглых тяглецов и брать с них поруки, «чтоб им жить по-прежнему в старых их дворах и государевы подати платить». Эта мера была распространена и на волостных (государственных) крестьян. Выход с места без царского указа посадским и крестьянам был запрещен. В 1600–1604 годах, непосредственно перед Смутой, черные слободы пополнялись не только беглыми людьми, но и теми, кто был освобожден от «тягла». Позднее «сироты»-горожане жаловались, что при царе Борисе «збирали на посад оброчных людей из дворцовых сел, и из-за монастырей, и с княжецких, и з боярских дворов дворников и из-за попов бобылей». Особое внимание уделялось более состоятельным торговым людям. На посад переводили крестьян из окрестных сел. Под раздачу попали даже служилые «по прибору»: пушкари, затынщики, воротники, казенные сторожа, рассыльщики. Симпатий к Годунову в городской среде это совсем не добавляло, наоборот. Не добавляло и спокойствия.

Насколько опасны были посадские люди, которые, в отличие от служилых, не обладали боевыми навыками? Сложно судить о навыках владения оружием, однако само оружие у горожан имелось. Об этом свидетельствуют переписи городов XVII века, составленные с целью определить, «с каким кто оружием в приходное время будет». В «Росписном списке Москвы» 1638 года было учтено 10 787 человек разных сословий, включая служилых людей «по отчеству» и «по

прибору». Из них 5508 были вооружены пищалями, 2070 – рогатинами, 306 – пищалями и саблями, 103 – пищалями и рогатинами, 99 – копьями, 49 – бердышами, 30 – мушкетами, по 2 – карабинами, пистолетами, саблями и саадаками (наборами из лука со стрелами). Лишь у 2616 (24,2 %) оружия не было вообще. По сравнению с другими городами в столице имелось много огнестрельного оружия. В провинции было проще. В Галиче из 643 горожан 279 были вооружены луками, 256 копьями и только 38 пищалями. Отмечалось, что в Новосили у посадских «бою лишь рогатины и топоры». Итак, посад был опасен. Рогатины имелись и при удобном случае могли пойти в дело.

Опыт Смуты показал «черным» посадским людям их силу, и при царе Михаиле Федоровиче они повели активную борьбу против белых слобод. Закончилось это противостояние победой «черных»: после серии городских восстаний 1647–1648 годов новый законодательный кодекс – Соборное уложение 1649 года – отменил существование белых слобод, за исключением царских.

Молчаливое большинство

В одном из сочинений XVI века положение разных «чинов» обрисовано с исчерпывающей откровенностью:

Царие и начальници в мире сем установлении суть, да суд, правду и управление подвластником творят <...> Пастырь же церковный за господина своего временного молитесь должен есть; господин же пастыря своего с вещми церковными защищати должен есть; селянин же тружdatись и питати обоих.

Тяжкое положение крестьянина, кормившего всю феодальную иерархию, вызывало горячие симпатии советских историков, готовых видеть в нем главного участника Смутного времени. Концепция «крестьянской войны», якобы составившей основное содержание событий Смуты, базировалась на следующих положениях. В конце XVI века феодалы, стремясь окончательно поработить крестьянство, установили крепостное право. Это вызвало социальный взрыв, катализировавшийся в кризис Смутного времени. Центральным событием Смуты являлась «крестьянская война под руководством И. И. Болотникова», главную движущую силу которой составляли крепостные крестьяне и холопы. Они определяли программу восстания и характер борьбы. Главными лозунгами восставших были отмена крепостного права и ликвидация феодального гнета. Являясь стихийной по-

пыткой, восстание Болотникова было подавлено феодалами. Но его историческое значение состоит в том, что восстание положило начало борьбе против феодального гнета, продолженной впоследствии революционными силами (И. И. Смирнов).

Эта концепция дала начало официальному наименованию Смутного времени, которое в исторических трудах и учебниках называлось «Крестьянская война и иностранная интервенция в России в начале XVII века».

Представления о «крестьянской войне» господствовали в историографии до середины 1980-х годов, когда Р. Г. Скрынников, а затем А. Л. Станиславский доказали, что главными участниками Смуты были дворяне и казаки, и ввели новый термин – «гражданская война». Крестьянин удалился с арены боевых действий за кулисы, однако крестьянский вопрос остался одним из самых важных для понимания Смуты и вместе с тем одним из самых запутанных.

В 1560–1580-е годы центр и северо-запад страны были охвачены глубочайшим экономическим кризисом. В первую очередь он коснулся крестьянского хозяйства. К кризису привели повышение налогов во время Ливонской войны, опричные погромы и эпидемии чумы (факторы перечислены в хронологическом порядке). Свою роль сыграло и широкое распространение помещичьего землевладения, поскольку поместье являлось менее эффективным типом ведения хозяйства по сравнению с вотчиной.

Разорение заставляло крестьян переходить от одного землевладельца к другому в поисках лучшей доли. Право свободного перехода было зафиксировано в законодательстве. Это был «выход» на осенний Юрьев день (за неделю до и после 26 ноября по старому стилю, с выплатой «пожилого»). Кроме смены помещика, существовал иной путь устроить свою жизнь. В 1570-е годы открылся путь на юг и юго-восток, где правительство активно отстраивало линию крепостей. Гарантированной защиты земледельцу эти укрепления не давали, однако при некоторых из них удавалось пахать государеву пашню для обеспечения гарнизона, а при других крестьян верстали в казаки, стрельцы и даже в дети боярские.

В результате крестьянских переходов земледельческий центр обезлюдел, сильно упали налоговые сборы с крестьян, обнищали служилые люди. Как и в случае с посадскими, правительство было вынуждено запретить крестьянский «выход» до особого распоряжения («государева указа»). Вероятнее всего, этот запрет не был введен единовременно, а устанавливался постепенно как временная мера (или под видом временной меры).

Указы о сыске и возвращении государственных и дворцовых крестьян и запрете их «выхода» появились в начале правления царя Федора Ивановича (1584–1585). Одновременно с этим на частновладельческих землях был установлен режим «заповедных лет», согласно которому владелец

земли получил право бессрочного сыска беглых крестьян. Способ поиска предполагал подачу иска, «обыск» местного населения, суд. Все это было неудобно и трудновыполнимо, поскольку крестьян разрешалось искать начиная с 1581 года. Для упрощения процедуры в 1594 году срок сыска был ограничен пятью годами после выхода. Указ от 24 ноября 1597 года подтвердил эту практику, установив пять «урочных лет» сыска и суда с целью возвращения беглых крестьян. Он распространялся на всех частных землевладельцев, церковных и светских.

Крестьянское бегство грозило помещику не только потерей рабочих рук. Оно часто сопровождалось воровством, поджогами и другими преступлениями. Например, в 1627 году крестьяне новгородского помещика Богдана Оболянинова украли «живота, платья и кузни» на 15 рублей, а жену и детей «мучили до полусмерти и мучив заперли в клетки». Таким беглецам было нечего терять, и они стремились на «украины», скрыться среди служилой мелкоты или «показачиться».

Меры по закрепощению тяглых и крестьян вступили в противоречие с задачами освоения степной «украины» на юге. Ценные сведения об этом сохранили документы, связанные с организацией гарнизона пограничного Ельца. 11 августа 1592 года воеводам князю А. Д. Звенигородскому и И. Н. Мясному было указано вернуть помещикам крестьян, которых записали в казаки, а впредь «крестьян с па-

чень имати не велели бы». Однако уже через месяц смысл правительственных распоряжений изменился на противоположный. 29 сентября Мясному был объявлен выговор за то, что он выдавал «прибранных» в службу казаков, стрельцов и пушкарей детям боярским (очевидно, помещикам), «от того многие казаки дрогнули, розбежались по городом, и в осадное время быти не с кем». «И ты дуруешь, что казаков выдаешь», – заключала грамота. Огорчение составителя грамоты вызывало не только бегство гарнизона, но и то, что казаки успели получить хлебное жалованье. 29 марта 1593 года решение вновь поменялось в пользу помещиков: Мясному был направлен приказ выдать помещичьего крестьянина, а впредь на службу брать «из вольных людей, а не из холопства и не с пашни».

Впрочем, проблемы с казаками-крестьянами были в Ельце постоянно и носили разнообразный характер. Крестьяне не только бежали от помещиков и прятались в елецком гарнизоне, но и наоборот – бежали со службы и прятались у помещиков. Беглецы забирали с собой жалованье и даже оружие («и пищали, и зелье, и свинец»). Некоторые из дезертиров повторно записывались в службу в других «украинных» городах. Таким образом, на южном пограничье формировалась из бывших земледельцев своеобразная военно-служилая среда. Эта среда, не пропитанная служилой идеологией, надо полагать, была восприимчивой к призывам самозванцев.

Богомольцы

Церковь занимала особое положение в иерархии и системе отношений в Московском государстве.

Служилые, торговые, посадские и пашенные люди были обременены обязанностями перед государством и друг другом: первые – службой, остальные – тяглом. Наряду с обязанностями, имелись и права, хотя и незначительные. Общим было право на суд по бесчестию. Служилые владели землей и зависимыми людьми и вместе с торговыми людьми привлекались к участию в управлении (включая земские соборы). Посадские и крестьяне обладали правом на самоуправление и до 1580-х годов – свободой перехода.

Духовенство разделялось на черное (иерархи и монахи) и белое (приходские священники и дьяконы). Верхушка этого сословия (епископы и игумены) обладала существенными привилегиями (феодалное землевладение, участие в управлении, право на суд по бесчестию, право на суд над подвластным населением), исполняло обязанности по молитвенному предстательству пред Богом за монарха и всех христиан.

Для секуляризированного сознания молитвенная обязанность духовенства не представляется важной и необходимой. Петр I называл монахов тунеядцами и стремился возложить на монастыри обязательства перед государством и обществом. Однако в Средние века считали иначе. Церковь осу-

ществляла важнейшую роль, обеспечивая идеологическую основу всей русской жизни, освящая земную иерархию и мироустройство. Церковью благословлялась царская власть и ее деяния, утверждались обязанности и, отчасти, права подданных. Духовенство осуществляло обряд крестного целования в верности монарху и его службе. Измена этой клятве влекла за собой строгое церковное наказание (епитимью) – до 20 лет поста, как за убийство или блуд с кем-то из близких родственников. В некоторых покаянных текстах этот грех и вовсе объявлен непрощительным. Соборное уложение 1649 года карало за измену государю смертью, а за ложное целование креста в гражданских исках – отлучением от Церкви на шесть лет. В Смутное время страну захлестнула эпидемия крестных целований, отказа от присяги и новых присяг. Книжники справедливо усматривали в этом признак глубокого нравственного упадка общества.

Молитвенное предстательство черного и белого духовенства осуществлялось ежедневно и по нескольку раз на церковных службах. На литургии возглашалась молитва за царя и членов его семейства, за духовенство и всех православных христиан. Ежедневно читались синодики-помянники, содержавшие списки имен усопших христиан, за поминовение души которых совершалась молитва. Синодики открывались именами князей, царей и иерархов, затем перечислялись вкладчики обители или храма. В дни памяти служили панихиды и совершали трапезы в память умерших жертв.

вователей (кормы). Поминальные практики в Средние века имели широкое распространение и большую популярность. Русские люди всех сословий, от бояр до крестьян, стремились жертвовать в монастыри с тем, чтобы там совершалось поминовение их предков, родных и самих вкладчиков. Наибольшей популярностью пользовались монастыри, прославленные своими чудотворцами и святынями: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Иосифо-Волоцкий, Соловецкий, Чудов, Новодевичий, Симонов, ярославский Спасо-Преображенский и другие. На вкладах росло монастырское землевладение, пополнялась казна, строились и украшались храмы и другие сооружения.

К концу XV века в руках монастырей и архиереев оказалось значительное количество земель, пожертвованных чаще всего вкладами на помин души. Верховную власть такое положение не устраивало, поскольку земля пропадала для службы. В монашестве также существовали противники церковного землевладения – последователи преподобного Нила Сорского, получившие имя нестяжателей. Опираясь на нестяжательскую традицию, Иван III попытался отобрать у Церкви земельные владения. Но на церковном соборе 1503 года иерархи восстали против секуляризации, и верховной власти пришлось отступить. Церковное землевладение осталось в неприкосновенности и продолжало увеличиваться в размерах. Мощный всплеск пришелся на годы опричнины и после нее, когда бояре и дворяне, напуганные репрессиями,

массово жертвовали вотчинные земли в монастыри на спасение души.

Не имея возможности изъять церковные владения, верховная власть стремилась ограничить приток земель к церковным феодалам и урезать их права. Запретительные меры принимались в 1551 («Приговор о вотчинах» на Стоглавом соборе), 1562, 1572, 1580 и 1584 годах. Были отменены налоговые льготы духовенства (тарханы), сокращены пути поступления новых владений в монастыри и установлен контроль над этим процессом со стороны государства. Однако ограничения работали недостаточно, а главное – огромные земельные владения по-прежнему оставались «втуне». Чтобы хоть как-то компенсировать это, на церковные земли были наложены налоги, а в военное время иерархи и монастыри обязали выставлять даточных людей (вспомогательное войско).

Иерархи, настоятели крупных монастырей и священники городских соборов составляли элиту духовного сословия. Помимо них, существовало немало мелких обителей, небогатых приходов на посадах и в сельской местности. На Стоглавом соборе эти представители черного и белого духовенства стали объектом жесткой критики со стороны Ивана IV, обвинившего монахов, попов и диаконов в «упивании безмерном», небрежении обязанностями, ругани, драках во время службы и «всяком безчинии». Невысоким был и уровень образованности духовенства. Церковные иерархи сето-

вали, что общины («земля») представляли на должность священников малограмотных и даже вовсе безграмотных кандидатов. Но какими бы ни были эти попы, они составляли единое целое с прихожанами, их избиравшими. Священник воспринимался, прежде всего, как жрец, посредник между общиной и высшими силами. Он занимал важную роль в коллективе слобожан или сельчан, участвовал в местном самоуправлении и сношениях общины с внешним миром. Плоть от плоти посада и волости, священник был активным участником мирского волнения в Смуту, что нашло отражение в сатирическом стихотворении XVII века «Поп Емеля»:

Ехала свадьба, семеры сани,
Семеры сани, по семеру в санях,
Семеро пешками, а все с бердышками,
Семеро верхами, а все с мешками.
Навстречу той свадьбе поп-от Емеля,
Поп-от Емеля, крест на рамени,
Крест на рамени, полуторы сажени:
«А Боже вам в помочь, духовные дети,
Духовные дети, в чужия-то клетки,
В чужия-то клетки, молебны пети,
Добро-то берите, а душ не губите».

Чудеса, знамения, слухи

Средневековое сознание было насыщено мистикой. Чудеса воспринимались как естественная и необходимая часть жизни. Между духовным и материальным мирами не было границ, а сверхъестественное представало в разных видах и формах. В религиозном сознании русского средневекового человека органично уживались христианское вероучение и реликты дохристианских (языческих) представлений. Чудесные явления ангелов и святых отнюдь не отрицали чародейства и оборотней, а составляли с ними единую и вместе с тем разнообразную картину мира. В земную жизнь людей проникали малые и большие послания и посланники горнего мира и преисподней. Божественный знак, равно как и бесовская природа могли быть обретены в самых обыденных явлениях. Для понимания событий Смутного времени эти особенности мышления русского средневекового человека имеют принципиальное значение.

Религиозное мировоззрение было нанизано на ось эсхатологических ожиданий. И конец света, и постоянные чудеса являлись отчетливой реальностью. Признаками грядущего апокалипсиса были появления монстров, природные бедствия, умножение грехов, нестроения и мятежи. Братоубийственная Смута соответствовала представлениям о «последних временах». Но это был не первый апокалипсис в русской

истории. Ожидание конца света пронизывает русское летописание и церковные сочинения XII–XIV веков. Удельные книжники видели слуг Темного властелина в князьях – объединителях Руси Иване III и Василии III, а царство Антихриста – в Московском царстве.

Эсхатологией наполнена эпоха Ивана Грозного. Согласно концепции А. Л. Юрганова, царь создал опричнину для подготовки к Страшному Суду. «Иван Грозный видел свою функцию в наказании зла в „последние дни“ перед Страшным Судом», – пишет историк и называет опричнину «русским чистилищем». Ученый показал тесную связь между эсхатологическими представлениями и символикой опричнины. О конце света размышлял в те же годы и противник Ивана Грозного Андрей Курбский. В «Истории о делах великого князя московского» он неоднократно сравнивает царя с Антихристом, называя его новоявленным зверем, ядовитым змеем, губителем Святорусской земли, сыном и сотоварищем Антихриста. Схожими категориями мыслил автор сочинения о Смутном времени Иван Тимофеев. Он писал, что царь Иван «возненавидел все города земли своей и в гневе своем разделил единый народ на две половины, сделав как бы двоеверным». Такими действиями царь привел людей в «смятение», а еще хуже повел себя дальше, когда поставил царем Семена Бекбулатовича, а сам превратился в удельного князя, но потом все вернул обратно, «играя так людьми Божьими». Этими и другими подобными деяниями Иван Гроз-

ный «вложил голову в уста аспида» (то есть Антихриста) и вызвал ярость самого Бога.

Чем больше размышляли о деяниях Ивана Грозного книжники, подобные Курбскому и Тимофееву, тем яснее должна была проявляться страшная мысль: «А царь-то ненастоящий!» Тем более что теория о ложном царе была не просто известна, но и разработана знаменитым апологетом православной монархии преподобным Иосифом Волоцким. В «Просветителе», получившем широкую популярность, святой Иосиф утверждал, что, если царь, властвуя над людьми, «над собою же имеет» царствующими скверные «страсти и грехи, сребролюбие же и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость», – «таковой царь не Божий слуга, но диавола, и не царь, но мучитель».

Выдающийся филолог и историк Борис Андреевич Успенский констатирует:

Появление самозванцев может как раз свидетельствовать о начинающемся процессе сакрализации монарха; не случайно, может быть, первый самозванец появляется в России вскоре после того, как в церемонию поставления на царство входит, наряду с коронацией, миропомазание, что как бы придает царю особый харизматический статус: в качестве помазанника царь уподобляется Христу <... > и соответственно с начала XVIII в. может даже именоваться «Христом».

Истинный (правильный) и ложный (неправильный) цари противостоят друг другу. Первый – избавитель, предтеча и символ Христа («праведное солнце»); второй – самозванец, губитель и слуга Антихриста, если не сам Антихрист. Эти образы, вероятно, сложились к исходу правления царя Ивана Грозного. Подогреваясь ожиданиями «последних времен» и питаясь знаменами, они ожидали своего часа, чтобы явиться, как только показались первые признаки грядущей катастрофы.

В Средние века информация распространялась в основном в виде слухов и пересудов. Они вызывали не меньшее, а в кризисные времена большее доверие, чем официальные сообщения. Собранием слухов и толков является замечательный памятник неофициального летописания – «Пискаревский летописец», автор (возможно, авторы) которого жил в Москве во времена Ивана Грозного и Смуты. Летописец говорит о странной свадьбе князя Василия Дмитровского (племянника царя): «А свадьба была в Слободе с великим срамом и с поруганием». Несчастную невесту Иван Грозный «выслал за заставу в одной сорочке, и она ходила по деревням; никто не смеет пустити; и тако скончалася». А еще царь «тогда же опоил царицу Марью Черкаскову». После того как в 1571 году Москву сожгли татары, Иван Грозный встретил посла, нарядившись «в сермягу, бусырь да в шубу боранью», и заявил:

Видишь де меня, в чем я? Так де меня царь зделал!

Все де мое царство вышленил и казну пожег, дати де мне нечево царю!

Через несколько лет царь посадил на трон Семена Бекбулатовича, а сам переехал на Арбат и «звался „Иван Московский“». Слухи об этом невиданном событии были такие:

А говорили нецьи, что для того сажал, что волхви ему сказали, что в том году будет пременение: московскому царю смерть. А иные глаголы были в людех, что искушал люди: что молва будет в людех про то.

Будущую смерть царя предсказало появление птицы:

Явися на Москве птица велика, голосиста; а прилетела ночью и вопила; а садилася на церквах: на Архангеле и на Пречистой большой, и на Благовещенье.

Перед смертью государя Федора Ивановича были другие знамения:

Того же году падоша звезды с небеси, аки дождь сильный, 106-году, перед смертию царя Феодора. Того же году на Москве явишася птица сова в большой церкви, в Пречистой на площади, и быша много, адва вылете...

В литературных памятниках, повествующих об эпохе Смуты, отмечены 40 знамений и 80 видений. Инфернальное не ограничивалось литературой, а мощно стучалось в действительность. В 1603 году в Галиче нашли «ведунов», ко-

торые «напустили» на русскую землю «недород». Состоялся «розыск», во время которого допросили почти 500 человек (!). Один из допрошенных, Тренка Онуфриев, сообщил, что во всем виноваты «лопяне», которые «добывали на Москве мужнину жену и имали у ней от груди женское молоко, да то молоко в кость гусиную наливали, да печатали, да вкапывали деи ту кость в землю на Москве ж». Коварство ведунов не знало предела: у той же женщины они «имали кобылье молоко, да в гусиную ж кость наливали, да в землю ж копали – ино деи потому на лошади и на всякую животину падеж».

Ничего, кроме суеверного ужаса, этот рассказ вызвать не мог. Да и как было не ужасаться, если колдовство добралось даже до придворного Благовещенского собора? В том же 1603 году кто-то вырезал «лоскут атласу золотного» из царского места в храме. Не иначе, как для того, чтобы навести порчу. Было наряжено следствие («многие люди на пытке были, протопоп благовещенский и многие попы, и пономари, и сторожи за приставы были»), да, похоже, без толку.

А в «разруху» вдруг заговорили из гробов «святопочившие» государи. В ночь на 27 февраля 1607 года сторожа, назначенные караулить у паперти Архангельского собора, слышали из храма голоса и увидели свет свечей из-за дверей. Из собора доносились «шум» и «говор велик», будто разговаривали 20 или 30 человек. Слышался даже смех. Хорошо слышно было два голоса: один говорил «по-книжному за упокой без престани», а второй был «голос толст», «а про-

тив де его говорили все встречно». «И толстоголосой на них всех крикнул, и они же пред ним умолки». Потом раздался плач «велик», появился мощный свет, освещавший всю церковь, и перемещавшийся внутри нее. Затем все затихло. Авторы описания ничего не сказали про фигуру с «толстым» голосом, но, кажется, это был не кто иной, как царь Иван Грозный.

Уже после Смуты, при Михаиле Федоровиче, «хвостатая звезда» на небе вызвала всеобщий суеверный ужас. Еще бы! Появление кометы совпало с походом на Москву королевича Владислава. «Она же стояла над Москвою, и хвост у нее был большой. И стояла на Польскую и на Немецкую землю хвостом». Однако мудрые люди, «философы», рассмотрели: «звезда не к гибели Московского государства, но к радости и тишине», потому что она стояла к Московскому государству головой, а к странам Запада хвостом, знаменуя там «кровопролитие многое и междоусобная брань и войны великие между ними».

Звезды, птицы, волхвы, затмения солнца, странные и загадочные знамения, большие и малые чудеса, жестокость и чудачества царя Ивана, козни и злодеяния Годунова, чудесное воскрешение или явления царевичей, нашествие иноплеменных ратей – толки и разговоры об этом наполняли восприимчивую к мистике народную массу (толпу), будоража и электризуя ее вплоть до состояния аффекта, после чего начинался бунт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.